

АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

МУРАЩЕНКОВА Н.В.¹, ГРИЦЕНКО В.В.², ЕФРЕМЕНКОВА М.Н.³

¹ доцент, кандидат психологических наук, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, e-mail: ncel@yandex.ru

² доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия, gritsenko2006@yandex.ru

³ аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»

Аннотация. Обоснована актуальность, научная и практическая значимость разработки модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Теоретической основой авторской модели выступили концепция социально-психологического пространства (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко) и теория планируемого поведения (А. Айзен). Представлены структурные компоненты модели, запланирована эмпирическая верификация разработанной модели на выборках российской, белорусской и казахстанской молодежи.

Ключевые слова: эмиграция, эмиграционное поведение, эмиграционные намерения, социально-психологическое пространство, модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений, предикторы эмиграционных намерений, казахстанская молодежь, российская молодежь, белорусская молодежь

Актуальность исследования. Начиная с 2013 года и вплоть до начала пандемии 2020 года в Казахстане наблюдалось увеличение темпов эмиграции населения. В 2019 году число эмигрировавших из страны составило 39,8 тыс. человек [1, с.8]. При этом 12,6 тыс. человек или 31,66% от общего числа выехавших из Казахстана в 2019 году – это лица с высшим образованием, что свидетельствует о достаточно высоком уровне эмиграционной мобильности образованной части населения РК [1, с. 14]. Наибольший отток населения в 2019 году был зафиксирован в Восточно-Казахстанской (7141 человек), Карагандинской (5776 человек), Костанайской (5708 человек) и Павлодарской (5610 человек) областях [1, с.15].

Следует признать, что система миграционного учета, принятая в Казахстане, не фиксирует эмиграцию тех лиц, которые официально не оформили выезд из республики. Это относится и к той части казахстанцев, которые выезжают на обучение в другие страны (включая РФ) и в дальнейшем остаются в них. Так, по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в 2019 году число выехавших из страны в связи с работой составило более 3,5 тыс. человек, а в связи с учебой – всего 250 человек, тогда как по данным Федеральной службы государственной

статистики Российской Федерации в 2018–2019 учебном году по образовательным программам высшего образования только в России обучались более 52,9 тыс. казахстанцев [1, с.17]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что официальная статистика не отражает реальных масштабов эмиграции из Казахстана, а угроза утечки ценного человеческого капитала из страны для РК сегодня достаточно остра.

В РФ наблюдается аналогичная ситуация отъезда значительной части населения из страны, в том числе молодых и образованных граждан. По официальным данным, только в 2018 году из России эмигрировали 440831 человек, из которых более 41% – это лица в возрасте от 20 до 34 лет [2]. Однако реальные цифры выше, так как официальная статистика в России, также как и в Казахстане, не включает информацию о тех, кто переезжает за границу, но не снимается с регистрационного учета по месту жительства. Таким образом, поиск эффективных подходов и методов сохранения человеческого капитала на уровне стран (особенно молодого образованного населения) является важной фундаментальной научной проблемой.

Решение этой проблемы требует обращения фокуса внимания ученых на процесс формирования эмиграционных намерений молодежи и выявление предикторов данных намерений. Особо подчеркивается в последнее время значимая роль психологии в изучении международной миграции [3]. Под сомнение ставится доминанта экономической составляющей в мотивации потенциальных эмигрантов, что стимулирует обращение исследователей к анализу вероятных психологических факторов соответствующего поведения.

Эмиграционное намерение в психологии рассматривается как сознательное решение осуществить эмиграцию в соответствии с намеченной программой, выполняющее функцию побуждения и планирования эмиграционного поведения в условиях, когда сам переезд отдален и отсрочен. В отечественной и зарубежной психологии существуют отдельные исследования социально-психологических предикторов эмиграционных намерений и поведения личности (Аллахвердян, Аллаxвердян, 2003; Бакина, Орлова, Яремчук, 2019; Басманова, Васина, Плющ, 2013; Блинова, 2013; Болотова, 2013; Бондырева, Колесов, 2004; Гуревич, 2005; Зинченко, Зотова, 2013; Лиукконен, 2008; Плющ, Басманова, Лисневская, 2014; Фролова, 2020; Чувашов, Татарко, 2014; Хрусталева, 1996; Юревич, Цапенко, 2009; Clark, Lisowski, 2017; Coulter, Van Ham, Feijten, 2011; Dommermuth, Klüsener, 2018; Engle et al., 2015; Hooijen et al., 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Klabunde, Willekens, 2016; Kley, 2017; Remhof et al., 2014; и другие). Однако отсутствуют исследования, посвященные выявлению и анализу *целостной структуры социально-психологического пространства*, в рамках которого формируются эмиграционные намерения современной молодежи. Недостаточно исследований, ориентированных на анализ силы, вектора влияния и взаимовлияния совокупности различных предикторов, а также отсутствуют исследования, направленные на анализ культурных различий социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи, при том, что понятие «социально-психологическое

пространство» уже прочно вошло в терминологический аппарат отечественной психологии, благодаря исследованиям А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [4]. В связи со всем вышесказанным актуальность и значимость кросс-культурного исследования социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи не вызывает сомнений.

В задачи исследования входит определение системы социально-психологических предикторов эмиграционных намерений, разработка модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, эмпирическая верификация модели путем анализа структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений у представителей различных культур.

Исследование базируется на интеграции двух концепций: теории планируемого поведения А. Айзена [5] как одной из наиболее эмпирически подтвержденной на примерах самых разных типов поведения [6] и концепции социально-психологического пространства А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [4].

Значимым методологическим преимуществом использования теории планируемого поведения А. Айзена является подтверждаемая эмпирическими исследованиями обоснованность рассмотрения эмиграционных намерений как феномена, позволяющего прогнозировать реальное эмиграционное поведение [7], [8], [9]. В связи с этим анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений, рассматриваемых с позиции теории А. Айзена, опосредовано повышает прогностическую способность изучаемых социально-психологических предикторов применительно к реальному эмиграционному поведению.

В свою очередь, опора на концепцию социально-психологического пространства позволяет осуществить изучение социально-психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи на качественно новом комплексном и системном уровне: провести анализ целостной структуры социально-психологических детерминант с учетом их силы, вектора влияния и взаимовлияния, кросс-культурного контекста; выявить общие и культурно-специфические компоненты социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи.

Понятие и структура социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Социально-психологическое пространство личности – это разновидность психологического пространства, образованного объектами, которые имеют социальную природу [4]. Это созданная субъектом система позитивно, нейтрально или негативно значимых социальных явлений и объектов (включая также и самого субъекта), которые занимают определенные позиции в этой структуре, находятся в определенных связях и отношениях друг с другом и выполняют разнообразные роли и/или функции в соответствии с определенными правилами и нормами [4]. Социально-психологическое пространство – это реальность, сформированная самим субъектом и в соответствии с его мировоззрением, это «своеобразная переходная

«буферная зона» между внешним миром и внутренним миром субъекта» [4, с. 12].

С точки зрения планирования и проведения нашего исследования особо значимыми являются следующие базовые положения концепции социально-психологического пространства личности: «о понимании социально-психологического пространства как основы и результата самоопределения субъекта; о детерминации социально-психологического пространства социальными связями и отношениями; о существовании взаимодействия между различными объектами социально-психологического пространства личности; о типичности, универсальности структуры социально-психологического пространства различных субъектов; о множественности социально-психологических пространств у одного субъекта; о многообразии видов и структур социально-психологических пространств; о многообразии процессов формирования социально-психологического пространства и оснований категоризации его элементов» [4, с.12].

Базовым основанием для выделения социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, с одной стороны, служит объективно фиксируемый и описанный выше рост эмиграционной активности современной молодежи, что, в свою очередь, свидетельствует об интересе молодежи к данной форме активности и актуализации соответствующего молодежного дискурса. С другой стороны, в основе выделения социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи лежат результаты исследований, свидетельствующие о том, что представления об эмиграции как успешной жизненной стратегии являются ядерными компонентами социальных представлений об эмиграции значительной части молодых людей, а также подтверждающие наличие двух противоположных жизненных стратегий молодежи: эмиграционной стратегии и стратегии приверженности стране [10].

Эмиграционное намерение как фактор готовности к эмиграции и результат принятия соответствующего решения имеет долгосрочные последствия и соотносится с масштабом жизненного пути не только самой личности, но и значимых других, в связи с чем процесс формирования эмиграционного намерения является отражением и результатом процесса самоопределения личности.

Таким образом, опираясь на теоретический анализ [11], а также результаты нашего собственного пилотажного исследования [12], [13], [14], [15] была разработана авторская модель, согласно которой социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи рассматривается:

- как результат самоопределения субъекта, как одно из множества возможных социально-психологических пространств личности, сформированное в процессе дискурса об эмиграции;

- как система отношений субъекта к эмиграции и связанным с ней объектам и явлениям (само эмиграционное намерение как решение о переезде за границу; «Я» субъекта в контексте эмиграции; страна настоящего проживания, которую

субъект планирует сменить; страна предполагаемого переезда, куда субъект стремится попасть; сограждане субъекта (широкое социальное окружение); значимые близкие люди (узкое социальное окружение), другие субъекты (граждане предполагаемой страны переезда, жители других стран в целом));

- как система взаимосвязанных факторов, обуславливающих формирование и развитие эмиграционных намерений, ключевыми из которых являются следующие: ценности; отношение к решению эмигрировать; мотивы эмиграции; представления субъекта о выталкивающих факторах страны исхода; представления субъекта о притягивающих факторах страны предполагаемого переезда; представления и отношение к настоящему и будущему страны текущего проживания; эмоциональная привязанность субъекта к месту рождения, стране, месту проживания, значимым другим; представления и отношение субъекта к своему личному настоящему и будущему; социальная (глобальная, гражданская, этническая, профессиональная) идентичность; психологическое здоровье и благополучие субъекта; воспринимаемый уровень дискриминации; чувство собственной безопасности (в частности, переживание коронавирусного заболевания COVID-19); общее макросоциальное, институциональное и микросоциальное доверие; межэтническая толерантность; воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания.

Мы предполагаем, что выраженные эмиграционные намерения будут связаны с позитивным отношением к решению эмигрировать; негативными представлениями и отношением к настоящему и будущему страны текущего проживания; мотивами эмиграции, отраженными в представлениях субъекта о выталкивающих факторах страны исхода и притягивающих факторах страны предполагаемого переезда; со слабой выраженностью эмоциональных привязанностей субъекта к месту рождения, к стране и месту нынешнего проживания, а также к значимым другим. Наряду с этим предполагается наличие связи эмиграционных намерений с ориентацией на ценности «Самоутверждение» и «Самопреодоление» и отрицанием ценности «Сохранение»; с негативными представлениями и отношением субъекта к своему личному настоящему; с позитивными представлениями и отношением субъекта к своему личному будущему; с выраженной глобальной и профессиональной идентичностями; с низким уровнем выраженности гражданской идентичности как маркером принадлежности к стране нынешнего проживания; с воспринимаемой дискриминацией; ощущением и представлением о собственной небезопасности в стране нынешнего проживания; с высоким уровнем макросоциального доверия и низким уровнем институционального и микросоциального доверия; с выраженной межэтнической толерантностью и наличием воспринимаемой поддержки от значимых других за пределами страны проживания. Данные базовые предположения будут проверяться в ходе основного эмпирического исследования. Характер связи этнической идентичности, психологического здоровья и благополучия субъекта с эмиграционными намерениями в связи с неоднозначными данными,

представленными в научной литературе [11], будет определяться на основе результатов эмпирического исследования, также как и специфика связей между самими предикторами эмиграционных намерений. Запланировано изучение указанных связей на общей выборке и на выборках студентов отдельных стран, а именно: кросс-культурный анализ различий социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казахстан: Расширенный миграционный профиль 2019. Алматы: Миссия Международной организации по миграции (МОМ) в Казахстане. Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, 2020. 146 с.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 10.03.2021).
3. Schwartz S. [et al.]. The Role of Psychologists in International Migration Research: Complementing Other Expertise and an Interdisciplinary Way Forward [Электронный ресурс]. 2019. 32 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/337844689_The_Role_of_Psychologists_in_International_Migration_Research_Complementing_Other_Expertise_and_an_Interdisciplinary_Way_Forward (дата обращения: 10.03.2021).
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. - М., 2012. 496 с.
5. Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
6. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
7. Tjaden J., Auer D., Laczko F. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use // International Migration. 2019. Vol. 57. № 1. P. 36–57. DOI: 10.1111/imig.12502
8. Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005-10 // Population Studies. 2013. Vol. 67. № 2. P. 225–241. DOI: 10.1080/00324728.2012.725135
9. Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // Population, Space and Place. 2018. Vol. 24. No. 1. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1002/psp.21238>
10. Фролова С.В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране. Дисс. доктора психол. наук. Саратов. 2020. 504 с.
11. Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. -2021. -Т.18. -№1. -С.25-41. DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41
12. Гриценко В.В. Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В. Социальные представления студентов об эмиграции и эмигранте // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология (электронный журнал). -2020. -Том 5.- №4(20).- С. 171-195. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.20.4.007
13. Гриценко В.В. Муращенкова Н.В., Ефременкова М.Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. -2020. -Том 9.- №4(36). -С. 358-366. DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357.

14. Муращенко Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. -2021. -Том 12. - № 1. -С. 77–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>

15. Муращенко Н.В., Гриценко В.В. Ефременкова М.Н. Связь социально-психологического капитала и эмиграционных намерений молодежи // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции 19-20 марта. Ответственный редактор В. В. Константинов. -Пенза, 2021. -С. 252-260.

Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N.

Author's model of the social and psychological space of young people's emigration intentions

Abstract. The urgency, scientific and practical significance in the model development of the social and psychological space of young people's emigration intentions has been substantiated. The theoretical basis of the author's model was the concept of social and psychological space (A.L. Zhuravlev, A.B. Kupreychenko) and the theory of planned behavior (A. Aizen). The structural components of the model are presented, empirical verification of the developed model on samples of Russian, Belarusian and Kazakh young people is planned.

Keywords: emigration, emigration behavior, emigration intentions, *social and psychological space*, model of the *social and psychological space* of emigration intentions, predictors of emigration intentions, Kazakh young people, Russian young people, Belarusian young people

УДК 159.953.5

РОЛЬ И МЕСТО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ/ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВЫСОЦКАЯ МАРИЯ МИХАЙЛОВНА

кандидат философских наук, и.о. доцента кафедры регионоведения и культурологии
Кыргызского Государственного университета им. И. Арабаева, Кыргызская Республика

Аннотация. В статье проанализирована необходимость совершенствования психологических знаний специалистов международных отношений. Понимание процессов, механизмов и сути вещей является характерной чертой специалиста международных отношений. Существует необходимость найти место в Государственном стандарте психологическим дисциплинам, как основе формирования социально-личностных, общекультурных и профессиональных компетенций специалиста международных отношений.

Ключевые слова: психологическая грамотность, профессиональные компетенции, профессиональное образование, специалисты

Профессиональная деятельность специалиста международных отношений в современном мире направлена на регулирование межгосударственных, региональных, международных отношений. Результат совместных действий специалистов международных отношений зависит от множества факторов, включая психологический компонент.

Цель данного выступления привлечь внимание к существующей проблеме в самоидентификации будущего специалиста на примере направления